

Решение уравнения

$$x^4 + 2x^3 - 13x^2 -$$

(1)

Учитель математики в школе «Летово». Заведовал кафедрой математики школы «Интеллектуал». Имеет два высших образования — математическое и филологическое. Руководил летними и зимними многопредметными школами. Автор задачников, методических пособий для учителей, составитель заданий для олимпиад школьников разного уровня. Автор книги стихов «Савельич и ласточка». Отец троих детей.

ДМИТРИЙ ЭММАНУИЛОВИЧ ШНОЛЬ

АВТОРИТАРНАЯ МОДЕЛЬ: УЧИТЕЛЬ ОТВЕЧАЕТ ЗА ВСЕ

Одна из основных проблем нашей школы связана с границами, вернее с неумением их выстраивать и соблюдать. У нас плохо определены границы ответственности — за что отвечает учитель, за что ученик, за что семья в целом.

Начать следует, наверное, с границы «учитель–ученик», потому что ее выстраивание требует от каждого человека специального усилия: в культуре этого как данности нет.

И, по-моему, четкие, правильные, выстроенные границы отсутствуют как в авторитарной модели отношений ученика и учителя, когда учитель находится в патриархальной, родительской позиции по отношению к ребенку, все решает, за все отвечает, так и в противоположной, «либеральной» модели, когда между учителем и учеником почти дружеские отношения, когда если не в языковом, то в психологическом смысле они на ты.

Все мы знакомы с авторитарной моделью, она нам понятна, все мы видели множество учителей, в ней работающих. В такой схеме одна из важнейших задач — выстроить границы ответственности, то есть решить, за что, собственно, в школьном процессе отвечает учитель, а за что ученик. И я думаю, что психологические деформации и учительские неврозы, которые мы часто наблюдаем (повышенный голос как норма общения, угрозы, постоянное нагнетание обстановки со словами о том, как все плохо кончится, если что-то не получится), — это все результат того, что учитель внутренне, сам, а не по приказу свыше, неверно выстраивает границы своей ответственности. Он отвечает за большее, чем может действительно отвечать. Это с советских времен знакомая нам модель, когда за результаты конкретного ученика действительно отвечает учитель, и как бы он там ни говорил себе, что «этот неспособный, а за этим родители не смотрят» или еще что-то, на самом деле он все равно оценку ученика принимает как свою: «его» ученики плохо написали ЕГЭ — значит, он плохой учитель.

Общепринятая точка зрения такова, что если есть авторитарный учитель, то ученик, попавший в его поле, — страдающая сторона: у него нет свободы, его не уважают как личность... Это и правда, и неправда. Ребенок, с одной стороны, действительно страдает, а с другой — умело пользуется ситуацией, потому что за него отвечают, а он расслабляется. Ребенок может стоять на этой позиции младшего и не несущего ответственности лет до 17. Только до 13 лет он использует ее с трепетом («мне поставят двойку и отругают»), а начиная с 14 — уже безо всякого трепета («тетенька кричит, видно, как она нервничает из-за того, что я не готовлюсь к экзаменам, значит, она как-нибудь сделает, чтобы я все сдал»). Это особенно важно для парней, потому что, когда парень видит спокойное отношение («раз тебе это не надо, получишь свой результат, а я буду заниматься с теми, кому это надо»), он начинает понимать, что, кажется, результат действительно зависит от него. Но чаще-то он видит, что все вокруг него — родители, учителя, репетиторы — что-то за него делают, и ему так очень удобно. Я думаю, что очевидный и губительный инфантилизм мужской части нашего общества во многом закладывается в школе в неправильно проведенных границах сфер ответственности.

Одна моя коллега проводила семинар с учителями и попросила их выписать, за что учитель отвечает в школе. Они выписали кучу разных вещей — и за знания учеников, и за журналы, и за общение с родителями, и за воспитание... Она сказала: «Отлично, прекрасный список. А теперь скажите: за что отвечает ученик?» И они поняли, что в этой картине мира ученик не отвечает ни за что.

За что, собственно, должен отвечать учитель? За то, чтобы на уроке было не страшно и не скучно (это мои любимые два «не»), и чтобы была возможность многому научиться — но только за возможность. Учитель не может отвечать за результаты каждого ученика, потому что в обучении есть второй субъект. И если учитель начинает брать на себя ответственность за результат, он в каком-то смысле десубъективизирует второго.

На своем опыте могу сказать — хотя я и сам не сразу стал это делать — выстраивание границ ответственности высвобождает массу сил у учителя. Ведь невыстроенные границы связаны, например, с постоянным латентным страхом за неуспех учеников — а какие силы в ситуации постоянного напряжения?

Ко мне на семинары приходят учителя и говорят: «У нас через семь месяцев ЕГЭ!»! Как правило, я отвечаю: «Это не у вас ЕГЭ — это у них ЕГЭ! Вы все свои экзамены уже сдали. Учеба, экзамены — это дело ученика, это его зона ответственности. Ваше дело — помочь ему, если у него есть на это запрос, а если запроса нет, не тратьте свои силы напрасно». Но это можно сделать только в том случае, если ты действительно внутренне отпустил ситуацию. Дети понимают очень быстро и верно, кто за что отвечает. И ученик ловит на лету, отвечает за него тетя или дядя — или нет. Вот учитель пришел и почему-то перестал за меня отвечать — и мне это беспокоит, а раньше-то все было хорошо: он нас готовил, мы лентяйничали, он нас ругал, мы опять лентяйничали — все роли были распределены. А теперь он позволяет себе жить своей жизнью, и что делать нам?

УЧИТЕЛЬ: ПРОФЕССИЯ ИЛИ СЛУЖЕНИЕ?

У невыстроенности границ ответственности есть глубокие корни, растущие из советских времен, — это отношение к учительскому труду не как к профессии, причем к массовой профессии (в России больше миллиона учителей), а как к призванию, которое должно сопровождаться подвигами и жертвами. Это очень опасная вещь.

Как только начинается разговор о служении и призвании, значит, кому-то хотят недодать денег. Если у вас есть работа, то, когда вы ее сделали, вам надо заплатить, а дальше вы можете гулять, потому что у вас могут быть какие-то другие интересы, кроме вашей работы. Но если это служение, то тогда у вас не может

быть никаких других интересов. И за это, во-первых, неловко требовать денег, а во-вторых, неудобно считать, что если вы в субботу поработали, оторвавшись от своих родных детей, то вам за это что-то должны. Как вы вообще можете на что-то претендовать, у вас же служение, вы же подписались!

И это не внешняя точка зрения, а внутренняя, учитель сам себя так видит. Помните этот знаменитый анекдот? Темный переулок, идет учительница, ее останавливает бандит: «Сережки есть?» — «Нет!» — «Кольцо есть?» — «Нет» — «Часы давай!» — «Классное руководство берите, а часы не отдам!» Анекдот говорит ровно об этом — о восприятии учителем своей профессии как самого главного, что есть в жизни, того, ради чего можно многим пожертвовать. Мне кажется, это неправильное распределение приоритетов. А ведь этой болезнью болеют как выгоревшие педагоги с давно сорванной психикой, так и очень хорошие учителя, которые пропадают в школе во вред себе, своему здоровью и своей семье. К сожалению, нередки истории, когда увлеченные учителя, отдающие все силы школе, упускают собственных детей, на которых сил не хватает.

ДОЛЖЕН ЛИ УЧИТЕЛЬ «ДОВЕСТИ» «СВОИХ» ДЕТЕЙ?

Часто в школах, когда собирается педсовет и обсуждает десятиклассников, учителя говорят: «Дети, дети, дети...» Принято и про выпускников говорить — «наши дети». Это связано, кроме прочего, и с такой особенностью российской школы: учитель «берет» класс и дальше очень долго его «ведет», бывает, что с пятого класса и до самого выпуска. И считается, что это очень хорошо и правильно.

А еще учителя говорят: «Как я могу уйти из школы? У меня десятый класс, я их не брошу». Я сам довольно долго существовал в этой парадигме и тоже думал, что если я, доучив десятый класс, оставлю их перед одиннадцатым, то это будет ужасный

грех, нормальный учитель так себя вести не может, он должен ездить на метро по полтора часа, умереть от усталости, но «довести» «своих» детей... У меня не было такого, но я знаю случаи, когда учитель переезжал или у него менялись семейные обстоятельства, но он не считался с этим и никак не мог бросить «своих» детей. Это совершенно, мне кажется, неправильное, более того — непрофессиональное чувство гиперответственности: ты якобы должен всем пожертвовать, лишь бы... А лишь бы что? — непонятно. Да, не очень хорошо оставлять класс в середине года, когда ты не можешь привести адекватную замену себе, потому что все коллеги заняты. Но идея, что если ты «взял» пятиклассников, то, как бы у тебя ни изменились обстоятельства, ты должен «довести» их до конца, по-моему, просто вредная. В ней есть очевидный элемент гордыни — мол, я три года с этими детьми уже работаю, и без меня они пропадут. И ведь мы точно знаем, что это не так — сколько раз учителя оставляли классы и через какое-то время видели, что никто без них не умер, и, в общем, их даже довольно быстро подзабыли. Это может быть немножко обидно, но это так. Ученики могут набраться от разных людей разного опыта, им это даже полезно.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ: ДРУГИЕ ГРАНИЦЫ, ТЕ ЖЕ ПРОБЛЕМЫ

У либеральных учителей, мне кажется, другая проблема с границами. Их задачей часто является не только обучение предмету и предметные результаты, но и формирование личности ученика — причем, бывает, эту цель ставит перед собой школа в целом. Получается так: мы, школа, педагоги, формируем нашего ученика — тем, что читаем вместе такие-то книги, ходим в походы, обсуждаем фильмы, еще что-то. При этом хорошо было бы, чтобы семья нам не мешала, чтобы ее вообще было поменьше, потому что она правильно сформировать не может. Этот посыл не всегда

произносится прямо, но обычно хорошо считывается. Если семья с нами солидарна, это хорошо, а если она какая-нибудь не такая, то мы постараемся сделать так, чтобы ребенок там проводил поменьше времени, а побольше был с нами. Мне такой подход кажется, во-первых, нереалистичным, а во-вторых — неправильным.

Нереалистичный он вот почему — и это открытие приходит не сразу, а с опытом. Да, в какой-то промежуток времени, особенно в подростковом периоде или в раннем юношестве, у всех пока еще детей — подростков, юношей или девушек — есть потребность отделиться от родителей, и школа является одним из компонентов процесса отделения. Это нормально. Школа, где интересно, конечно, способствует более раннему взрослению, более раннему отделению. И действительно, в какой-то момент кажется, что конкретный десятый класс, в котором конкретный учитель словесности проработал уже три года, имеет свой портрет, и это совсем не тот же десятый класс, что был год назад, потому что там был другой состав учителей, они по-другому с детьми общались, и дети были другие. Но проходит пять лет после школы, эти «дети» приходят как выпускники в гости, и выясняется, что тех интересов, той манеры общения, которые казались такими выстроенными, окончательными, — их уже нет. Школа была элементом их жизни, а потом они вернулись в чем-то на свои семейные рельсы, в чем-то изменились за счет других сред — и я ничего плохого в этом не вижу. Да, с девятого по одиннадцатый класс они читали очень сложные тексты, умели их анализировать, они реально это проживали, но все-таки в этом была некоторая мимикрия, на мой взгляд. **Это был важный для них опыт, они что-то с ним делают, как-то к нему отнесутся, что-то у них, может быть, войдет в актив, когда вырастут собственные дети, — но думать, что мы что-то формируем, особенно у целого класса, слишком самонадеянно.** У того или иного ребенка бывает резонанс с нами. Дети часто не похожи на своих родителей, и кто-то из учеников действительно может найти себе близких людей среди учителей, это бывает. Но это не естественный результат нашей работы, просто иногда случается так, в классе находятся два-три таких ученика.

ШКОЛА — НЕ ДОМ УЧИТЕЛЯ

Я видел много случаев, особенно с молодыми учителями, когда у людей нет своей семьи, нет других обязательств и другого поля для творческой деятельности (а в семье оно очень большое), и после того как они выпускают класс, у них возникает опустошение: столько в учеников вложили, а те ушли из школы, и на этом все закончилось. Да, приходят иногда в гости — два-три человека из выпуска, да и то с ними ведутся какие-то поверхностные разговоры. Тебе казалось, что ты вырастил себе 20 друзей, а это не так. Иногда чудо случается: ты, твой стиль общения, мировоззрение и интересы оказались близки им всем, собравшимся в одном классе, но, как правило, так не бывает. Рассчитывать на чудо нельзя, и если оно случится, то случится само, помимо наших усилий.

Бывает так, что учитель не особо много времени проводит с классом, не так уж выкладывается, а потом у них сохраняется дружба на всю жизнь. А еще сплошь и рядом бывает, что после окончания приходят к учителю не те дети, которые были наиболее близки ему в школьные годы, и не те, которым, казалось, был интересен его предмет, а почему-то совсем другие. В общем, послешкольная жизнь очень по-разному устроена.

И мне кажется, что для построения правильной границы нужно сначала обозначить для себя тот факт, что у тебя есть твоя жизнь: семья, любимые люди и друзья. Что школа — это твое место работы, профессионального приложения, а не личностного служения, и оно не на первом и даже не на втором месте в твоей жизни. На мой взгляд, только так можно сохраниться, и, возможно, именно это будет самым важным для твоих учеников — что для тебя школа не является местом, где ты живешь. Им явно будет полезнее видеть спокойного учителя, занимающегося любимым делом, чем горение на работе человека, который часто бывает на грани нервного срыва и переутомления. Это ученику точно бесполезно, даже если его учитель на этой грани оказался ради него,

ученика. Так же, кстати, вредно видеть в таком состоянии маму или папу: вот, мол, любуйся, мама все для тебя сделала, и теперь у нее нервный срыв.

Есть еще важный момент: ученик понимает, что он вырастет и выйдет в большой мир, и если он видит взрослых, которым в этом большом мире мало что интересно, кроме школы, — какой вывод он сделает? Это немножко странные взрослые и немножко странный мир — неужели в нем нет ничего лучше «счастливого школьного детства»? И дальше два пути: для рано повзрослевшего ученика — скептическая позиция по отношению к школьной жизни и учителям, а для более инфантильных и ведомых — глубинное желание остаться в своей школе навсегда. И то и другое нездорово. **Учитель должен привносить в школу интерес к большому взрослому миру. И у учителя должны быть закрытые от учеников части жизни.** Например, если учитель еще где-то работает (занимается наукой, преподает в университете, играет в театре, проводит занятия по горным лыжам) — это очень важно для детей, потому что это их первая настоящая встреча со взрослым не из их семьи, и если такой взрослый — человек состоявшийся, имеющий множество интересов, это здорово. Но такой взрослый, конечно, проводит с ними меньше времени, потому что у него своя жизнь: «Было интересно с вами это обсудить, а теперь я пошел, у меня свои дела».

Одним словом, не нужно спасать мир: или мир уже спасен, или его никакие человеческие усилия спасти не могут. Есть у Тарковского такая строчка «И жизнь жива помимо нашей воли». Наша задача — получать удовольствие от работы и держать себя в разумных границах, чтобы нас хватило надолго и на многое.